

НЕЗАДАЧЛИВАЯ МАГИЧКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЦИКЛ "УПЫРЁВОЕ"

автор ЗВЕРЕВА МАРИЯ

18+

Мария Зверева

Упырёвое 1.

Незадачливая магичка

«Автор»

2026

Зверева М. а.

Упырёвое 1. Незадачливая магичка / М. а. Зверева — «Автор», 2026

Дарёна, студентка и практикантка Российской Академии магических наук, жила себе и думать – не думала ни о каких приключениях. Но оказалась на практике в маленьком уральском посёлке. Посреди тайги. На Купалу. В компании преподавателя: острого на язык и кровососущий язычок сильного, древнего упыря. И, конечно же, всё закончилось плохо! Хе-хе, спойлер. А чем конкретно – узнаете, когда прочитаете.

© Зверева М. а., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая и единственная.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Мария Зверева

Упырёвое 1. Незадачливая магичка

Часть первая и единственная.

— Тишина в аудитории! – звонкий шлепок ладонью по столу отразился от каменных стен аудитории, затерялся в потолочной темени и заставил живущее там летучемышинное семейство испуганно метаться, натываясь на стены. Вниз упало несколько горошин мышинного дерьма. Ценная вещь – хоть в зелье, хоть на грядку, хоть в ружьё вместо пороха. Эти падкие на магические волны гады обитали под потолками аудиторий едва не с самого основания школы. С ними когда-то пытались бороться – бесполезно: любое направленное в них заклятие твари поглощали с довольным урчанием и продолжали жить свою лучшую жизнь, гадя на всех с высоты потолочной балки. Затем пытались справляться с помощью навесных потолков – и зря: мыши рвали их в мелкие лоскуты и возмущённым писком мешали занятиям. В итоге директорат смирился и дал распоряжение ввести в обязательную школьную форму широкополые шляпы. Это уберегло впечатлительных студенток от истерик и избавило школьного лекаря от необходимости производства успокоительных отваров в промышленных масштабах.

Дарёна поёрзала на скамье и стряхнула горошинки со стола на пол – мешают.

Все, находящиеся в аудитории, замолчали и уставились на говорившего – высокого бледного упыря, одетого в просторную чёрную мантию. Грубая ткань местами была обгоревшей или порезанной, отчего преподаватель имел вид едва ли не оборванца. Ошибочное впечатление. На торжественные мероприятия он облачался в чёрный камзол, щедро покрытый изысканной вышивкой. Дарёна вздохнула: её обучение в Академии стоило гораздо дешевле этой вышивки. Преподаватель строго оглядел аудиторию. Даже не почесался, гад.

Дарёна вспомнила, как однажды, в детстве босоногом, ныряла с «переходов» — деревянного плавучего моста через местную неглубокую реку – и упала на воду пластом, больно ударившись животом и бёдрами. Должно быть, ощущения от удара ладонью по столу были похожие. Преподаватель же не поморщился: упырь он и есть упырь, чего с нежити взять.

Он вёл им курс боевой магии, а в последний год совмещал эту нелёгкую работу с кураторством, и натерпелись они за прошедший курс – не дай бог каждому. Упыря звали Вавилой и было ему лет не меньше пятисот, наверное. Во сколько лет он заупырел, никто не знал: спрашивать об этом напрямую считалось неприличным. С тех тёмных времён он навсегда остался (не)человеком средних лет. Хотя кто их там, в средневековье, знает. Они, может, в свои девятнадцать выглядели как нынешние тридцатилетние. Говорят, житие у них тогда тяжкое было.

Манера преподавания у него была очень своеобразная: лекции он читал, повиснув на потолочной балке. Не раз и не два Дарёна ловила себя на мысли о том, что потолок находится высоко, и упасть с него было бы, мягко говоря, неприятно. И ни разу упырь не потерял равновесия, даже не покачнулся. Мыши были такому соседству не рады, но кто их спрашивал? Акустика аудитории делала негромкий голос преподавателя зловещим и вкрадчивым, и помогала ему проникать в самое учениковое нутро. Студенты слушали Вавиловы лекции, обливаясь литрами холодного пота, и боялись даже шумно вздохнуть. Что удивительно, речь его была живой, напроць лишённой академической прилизанности и правильности. Самые сложные вещи он легко объяснял своими словами, обходясь даже без конспектов.

А для особо тугодумных у него была припасена особая, упыря ухмылка: губы его раскрывались, как лепестки аморфофаллуса, трупного цветка, и из этой пасти к несчастному начинал тянуться длинный остренький язычок. Все непонятливые на его занятиях закончились после второй или третьей демонстрации упыриной анатомии. Не в том смысле, что они исчезли

физически, а в том, что студенты внезапно начали понимать всё с первого раза. Успеваемость по его предмету зашкаливала.

А сейчас он стал ещё и заместителем директора по выпускной практике...

Вавила обвёл класс своим цепким взором и произнёс:

— Итак, выпускники! Хотя нет, выпускниками вы будете, когда получите диплом... Студенты! На прошлой неделе вы все сдали экзамены. Тишина! Результаты оглашу позже. Так вот. Завтра вы все отбываете на практику, и упаси вас упырий и другие боги, профилонить. Как вы знаете, на магистрат я возьму не всех. Большинство из вас после защиты практики отправится во взрослую, наполненную трудовыми подвигами жизнь, — Вавила пустил в голос торжественной дрожи, на которую мог купиться разве что простофиля, — а из тех, кто захочет продолжить магическое образование до высшего, я выберу только отличников.

Упырь подождал, пока информация уляжется в головах выпускников, и продолжил:

— Распределение по местам практики состоится согласно количеству набранных вами экзаменационных баллов. Обладателям низких оценок не стоит надеяться на халяву: пахать, как рабы на галерах, будете все.

Тут Вавила достал из ящика стола толстую стопку папок в картонной обложке. Поверхность их слабо мерцала зелёным, и все святые упаси того нерадивца, который захотел бы раскрыть их без разрешения.

— Это ваши дневники практики. Для каждого свой, именной, подписанный, заговорённый. Заговаривал лично я, беспристрастно и вдумчиво. Возьмёте дневник с собой и каждый день – я повторяю, каждый день – будете делать в нём записи. Валять дурака весь месяц и потом заполнить всё за день не получится, об этом я позаботился особенно тщательно. Защитные чары не расшифруете и не обойдёте – опыта не хватит, — тут упырь захихикал особенно гадостно, – это, своего рода, ваш магический талисман на практику. В конце дневника инструкция. Как пользоваться – потом прочитаете.

Вавила положил дневники на угол стола и снова внимательно осмотрел студентов. В глубине упырьих белёсых глаз Дарёне почудилась усмешка.

— Итак, запросы на практикантов в этом году: Москва, государственная алхимическая мануфактура, закрытые зерновые цеха, гос. склад холодного оружия. Тут просто — защитные чары на зерно, чтобы не портилось, заговор от мышей, от ржавчины... Главный склад страны, работа ответственная! Санкт-Петербург, портовые доки и госпиталь. Тут отвары и лекарства нужны, да. Магию врачевания вы проходили, справитесь. В доках тоже — зерно, оружие. Тверь, отдел артефактов при сыскной конторе — работа личным секретарём Аристарха, мага второй гильдии, начальника отдела. Тот ещё прохвост, знаком с ним. Самара — кладбище заложных покойников, помощником главного некроманта... Так-с, сюда я буду наведываться, проверять... ага... Вот тут именно мои занятия пригодятся, боевые заклятия.

Вавила встал за преподавательскую тумбу и каждую фирму представлял как лот на аукционе.

— Дальше. Челябинск, пограничье с кочевыми степняками, работа с традиционалистами. Там аккуратней: ковен медиумов — женский коллектив, те ещё мегеры. В прошлом году посылали к ним практиканта, до сих пор о нём ни слуху, ни духу. Сожрали, не иначе. А ещё меня кровопийцей зовут... Так, дальше. Новосибирск, тоже пограничье, но там погодные маги в этом году не справляются — смерчи их одолели, не поймут, откуда берутся... Курган, заповетник — там тихо, но с поголовьем мантикор нынче беда... Будете зоологам помогать. Посёлок Чусовой Екатеринбургской губернии, ведьма-травница Светлана – помощник в хозяйстве и на сборе трав... Всё. Господамы, помните, что вы – выпускники и лицо нашей Академии. Я надеюсь на отдачу во время работы независимо от того, куда вы попадёте. В конце концов, не зря же вы восемь лет обучались на курсах бытовой малой и большой магии? Ваши пожелания?

О, пожеланий было много: едва не каждый студент считал своим долгом громогласно сообщить, куда он хочет поехать на практику. Естественно, всем хотелось в Москву или, на худой конец, в Тверь или Питер.

Дарёна помалкивала, потому что внимательно слушала Вавилу и помнила его слова о набранных баллах. Сама она была крепким «хорошистом», поэтому Москвы ей не видать, как своих ушей. Хорошо бы попасть в Челябинск, Новосиби или Курган: поближе к дому, на Урал или в Сибирь. Дарёна с детства терпеть не могла суеты и была свято уверена, что в околостолличном мегаполисе не приживётся.

Вавила подождал, пока глотки устанут, и с усмешкой произнёс:

— Все высказались? А теперь распределим вас по местам прохождения практики в соответствии с набранными баллами, — последние слова он произнёс отдельно, смакуя каждое слово. По аудитории пронёсся стон разочарования. Дарёна про себя усмехнулась: что-что, а расстраивать студентов Вавила умел мастерски.

Упырь тем временем взял со стола кипу листов и начал читать:

— Москва, пятеро магов, — он сверился со списком и назвал: — Навидар, Максимилиан, Катерина, Анжелика, Прохор.

Руку поднял Навидар — первый красавчик класса, черноглазый, темноволосый маг с точёными чертами лица. По нему сохла добрая половина студенток всех возрастов и, кажется, немалая часть преподавательниц. Неудивительно, что с успеваемостью у него всё было отлично.

— Уважаемый Вавила, а мы можем сами выбрать себе напарника на практику? — при этих словах Руша, его нынешняя подруга, светловолосая высокая колдунья из Казани, смущённо захихикала и прикрыла рот ладонью.

— Вопрос понятен, отвечаю: нет. На всех студентов пришли персональные запросы, без вариантов. У нас тут не демократия, а моя диктатура и культ личности. Ещё вопросы?

Навидар с недовольным лицом что-то пробухтел, но возражать не стал. Вавила пропустил его бубнёж мимо ушей.

— Дальше, Питер, пятеро магов: Руша, Степанида, Мстислав, Аглая, Марк.

Руша едва не заплакала, глядя на Навидара: ещё бы, целый месяц разлуки. Тот угрюмо смотрел в сторону и на бедную девушку ни разу не взглянул.

Дарёна нетерпеливо заёрзала: Вавила отрядил уже всех отличников, теперь приходил черёд хорошистов, таких как она сама или, например, Костя — хлипкий заучка-очкарик, которому для отличных оценок не хватало решительности и харизмы. Дарёну обожгло понимание того, что, раз они по баллам близко друг к другу, то могут и на практику в один город залететь. Этого ей очень, очень не хотелось. Вот выпадет судьба коротать с целый месяц с этим душным занудой, тогда уж она попляшет. Дарёна про себя взмолилась: хоть бы не Костя, кто угодно, хоть бы не он.

Вавила тем временем продолжил:

— Самые массовые запросы закончились, приступим к штучным.

Снова поднял руку Навидар:

— Уважаемый Вавила, а с каких пор у нас запрашивают студентов всякие деревенщины? — в его голосе явно сквозило презрение к «деревенщинам» пополам с облегчением: чего ему теперь бояться, уже распределён, и не абы куда — в Москву, — Что там, в этом, как его... Чусовом-то делать? Травки собирать да мыть коровам сиськи?

По аудитории покати́лся смех. Особенно старались навидаровы подпевалы, Марк и Прохор. Дарёна едва не задохнулась от возмущения. Дело не только в обиде за неизвестную ей травницу — этот надменный козёл одной фразой унизил того студента, которому выпал жребий проходить практику там. Или не жребий, а успеваемость.

Вавила поднял взгляд от листка и пронзил им умника едва не насквозь:

— А что плохого в том, чтобы, как вы выразились, мыть коровам сиськи?

Навидару взгляд упыря не понравился, но он не сдавался:

— Ну как... Одно дело в Москв... большом городе работать по специальности, общаться с опытными магами и колдуньями, перенимать опыт сильнейших и лучших, и другое – у деревенской травницы в жопе мира советы спрашивать. Чему она может научить-то? Подорожник прикладывать?

Снова смех, в этот раз более злой. Вавила внимательно осмотрел аудиторию, помолчал и негромко произнёс:

— Запомни дружок. Ни один сильнейший и лучший маг с тобой, новичком, опытом делиться не будет. Никто тебе на фарфоровом блюде с золотой каёмочкой плоды своих проб и ошибок не принесёт. Может так оказаться, что – как ты сказал? деревенщина? – даст больше знаний, чем любой разрекламированный маг. А если ты про Светлану, то скажу: опыта у неё побольше, чем у иного столичного неженки. И ещё: на практике в Чусовом буду присутствовать лично я. Весь месяц, ага. Лично буду следить за тем, как... её коровам сиськи моют.

Вдох удивления прокатился по классу: тем, кто окажется самым последним в списке, крупно не повезёт. Очень крупно. Весь месяц провести нос к носу с преподавателем, которого и пару дней в неделю терпеть было тяжело: хуже не придумаешь. Дарёна вздрогнула, а потом выдохнула с облегчением: она в середине списка, её, слава Богам, минует чаша сия.

Она мельком взглянула на Вавилу и испугалась: лицо упыря побагровело, приобрело синюшный трупный оттенок. Лепестки губ немного приоткрылись, острый язык затрепетал между ними в поисках крови. В аудитории воцарилась душная тревожная тишина. Однако упырь быстро справился с собой и принял свой обычный бледный вид.

— Разозлили, поганцы. Нельзя меня злить.

Он снова сверился со списком, ухмыльнулся и продолжил:

— Кстати о птичках... кто там следующие по баллам? Дарина и Константин! К Светлане в Чусовое поедете вы!

Как студентов распределяли дальше, Дарёна не слушала.

* * *

Она ещё раз внимательно осмотрела свою общажную комнату, проверяя, не лежит ли что-нибудь не на своём месте. Не то, чтобы это беспокоило: комната будет пустовать, просто Даре не улыбалось вернуться с практики и обнаружить где-нибудь под кроватью новый вид какой-нибудь плесени. Соседки, Катерина и Аглая, собрались ещё вечером и сейчас проводили время в компании Навидара сотоварищи: расположились с пикником у озера, на берегу которого стояла их Академия, раскинули пледы и купались, поглощая элитную лимонную огневоду чарками. Вообще-то такое праздное времяпровождение не одобрялось, а употребление напитков, крепче кваса, и вовсе было запрещено, но... Но. Навидар, мало того, что слыл любимчиком учителей, ещё и приходился прямым отпрыском главы Великого Ареопага, поэтому ему многое дозволялось. И, кажется, парочка особенно молодых хорошеньких преподавательниц, плюнув на приличия, пировала сейчас в той же компании. Всё равно — выпускники, и в школе, кроме них, почти никого не осталось — младшие классы разъезжаются на каникулы раньше. Почему бы не расслабиться?

Дарёна неприязненно дёрнула уголком рта: не одобряла такой фривольности, её воспитывали в строгости. Она не то, чтобы не дружила с остальными в классе, но периодически держалась наособицу от них. А они не настаивали на общении.

Кажется, всё собрано. Скромный чемоданчик с самым необходимым уже стоял у дверей, заняв половину прихожей, и ждал, когда его спустят в багаж. Самое противное время — ждать. Вавила сказал: заберут после обеда. А когда это — после обеда? Едва закончат пить чай? Вечером? Ближе к полуночи? Нельзя сказать более точно?

Она бросила в дорожную сумку расчёску и набор салфеток. Может быть, тоже сходить к озеру? Посидеть на пледике, на людей поглазеть? Нет уж. Ей хотелось побыть одной. Она

села на кровать, и мысли тут же заструились, унося её всё дальше из комнаты — в детство, в первые годы магического обучения.

В Академию Даря поступила на год раньше, чем остальные: отцу дали работу на дальних золотоносных приисках, и семья уезжала с насиженного места на длительный срок. Чтобы не тащить ребёнка за собой в необжитый дом в захолустье, мама не один день обивала пороги директората, прося зачислить восьмилетнюю дочку на год раньше на первый курс. В какой-то момент звёзды сложились удачно, кровь ударила в правильное полушарие мозга директора, и он поддался на уговоры. Так, в первый же день осени, рано утром, маленькая Дарёна, одной рукой держась за бабушку, а во второй, сжимая ветхую путевую котомку, стояла у ворот небольшой деревянной крепости.

Когда мама уговаривала её, восьмилетку, учиться вдали от родных, она сказала: "Жить будешь в замке, почти как принцесса. Помнишь, мы читали в сказке?". Даря помнила, и ожидала увидеть настоящий Замок: высокий, каменный, с острыми шпилями на многочисленных башнях — такой был изображён на гравюре в потрёпанной детской книжке.

У Академии были и башни — не очень высокие, и даже шпили, только стены её были сложены из отёсанных брёвен, и между ними торчал плотно проложенный мох. Не замок, а простая деревенская баня, только размером побольше. Разочарование ребёнка было столь велико, что она едва не заплакала.

— Ба, я не хочу-у-у-у... Отвези меня к маме!

— Нельзя — ответила строгая бабушка — ты должна стать магичкой!

И это была сущая правда. Магов рождалось немного. Имеется ввиду — истинных магов, не ремесленников. Выучить свойства травы, примечать предвестники погоды и различать голоса птиц могут многие — при должном старании. Напускать важности и облапошивать дурачков, внимательно глядя в стеклянный шар, говоря всем, что это горный хрусталь — тут и стараться не надо, каждый первый справится. А вот работать с энергией... Дарёна могла. В их семье магический дар передавался по наследству, девочкам через два колена. Поэтому, когда встал вопрос о том, чем она будет заниматься по жизни, выбор был очевиден.

Она была первой девочкой, за двести тридцать лет появившейся в роду отца, и это было проклятие, которое наложила на своих потомков прародительница Эвриала, горгона. Девочек из потомства горгон ждала горькая жизнь, и знания об этом передавались в семье как страшная бабушкина сказка. Дарёна не раз и не два простила отца рассказать обо всём побольше — как, например, потомок греческих полубогов оказался на Среднем Урале, в холодной стране за тридевять земель от родины? Почему её ждёт несчастливая жизнь? Отец, чиня для матери колесо-самопрялку, лишь отмахивался — не знаю, мол, отстань. Его от коренного среднерусского жителя отличал лишь цвет глаз. У потомков Эвриалы глаза были серебристые, в то время как у окружающих они были обычные, чаще серые.

Ещё одну особенность своих серебристых глаз Дарёна узнала в глубоком детстве — обиделась на мать за отобранную игрушку, разревелась — и возле глаз заплескали две белые молнии. Дарёна от испуга забыла, зачем плакала. А мать испугалась ещё больше — сгребла дитё в охапку и просидела так до вечера, пока не пришёл с покоса отец. Они тогда долго разговаривали за закрытыми дверьми — Даря слышала их высокие голоса. Так они узнали, что в их семье родилась магичка, и что проклятие прародительницы всё ещё живо. Дарёну ждала несчастливая жизнь. А отец надеялся, что это, действительно, лишь страшные сказки...

Каким образом родители умудрились договориться с ней, малолеткой, держать эту особенность в тайне, она не помнила, но в деревне, где они жили, о молниях из глаз не узнал никто. Уральский народ суровый, чтущий традиции, не любящий чужаков — и семье Дарёны пришлось бы несладко, если бы эта инаковость вдруг стала явной. А так — растёт себе дитё и растёт, босиком по улице бегают, как все, коров пасёт, малину у соседа с куста тырит. Глаза

необычные — а что такого, вся в отца, у него такие же. И у деда были такие же, это все знают. А то, что мелкая при каждой ссоре глаза прячет, убегает — так это характер такой, подумаешь. Маленькая ещё, вырастет.

Дарёна и выросла — в высокую сереброглазую девушку, волосы как пшеничный сноп — и давно научилась контролировать свои молнии. Сбивалась лишь иногда, когда особенно злилась. Или радовалась.

Она помнила, как обижалась на родителей в первый год обучения. Казалось: предали. Брата взяли с собой, живут все вместе, а её сбагрили с глаз долой. На новогодние каникулы она уезжала к бабушке, на Урал, и всё жаловалась, спрашивала, когда маму с папой увидит. Бабушка смотрела горестно, но говорила, мол, так надо, потом поймёшь.

Она поняла. Летом, после первого курса, когда всё-таки приехала к семье на длинные каникулы. Чёрный ржавый паровоз, пуская клубы дыма, пристал к полустанку, Дарёна, укутавшись в бабушкину тёплую шаль, вышла — и пригорюнилась. Вокруг было серо, хмуро и холодно. А в Академии всегда было солнечно, даже зимой и в межсезонье. Дожди были тёплыми, снег пушистым, а небо — высоким. Здесь, на золотоносном Севере, низкое небо царапалось о крыши домов, два месяца из двенадцати проливая на землю мелкий противный дождь, а остальные десять — просыпая противный серый снег. Штатный приписной маг не справлялся с объёмом работы: тут хоть бы чахлый урожай помочь людям вырастить, поэтому на погоду забил. Никто в маленьком городке не будет тратить на целый штат магов. И одного хватит, чай, не столица.

Родители временно ютились в общей квартире, какие строили для работяг. С десятков комнат, по одной-две на семью. Родители с братом втроём пока жили в одной. Комната была просторной — не каморка какая-нибудь, светлой. Но до комнаты Дарёны в Академии не дотягивала. Отец работал на прииске, мать шила на дому одежду. Брат ходил в местную школу или слонялся по улицам с такими же, как он, мальчишками. Дарёне они были рады, соскучились, как и она по ним, и месяц она провела, купаясь в лучах родительской любви, но нет-нет, да и вспоминала Академию, чистый пруд под её стенами, фруктовый сад, лес вдалеке.

На учёбу в первый день осени второкурсница Дарёна летела как на крыльях — с нетерпением.

В Академии было хорошо. То, что сперва показалось Дарёне большой баней, оказалось первыми входными воротами, неприметными. Они с бабушкой миновали их — и оказались на огромной территории, большую часть из которой занимал ухоженный сад с плодовыми деревьями. Сами учебные корпуса виднелись вдалеке. И это, действительно, был замок — с башнями, шпилями, коваными решётками на окнах. Только не из камня, а из дерева.

Дарёна всё ещё обижавшаяся, скривила рот, мол, не настоящее. Бабушка заметила это и сказала строго:

— Чего куксишься?

— Это не замок!

— Как это? А что тогда?

— Это большой дом просто... деревянный. А замок — он другой!

— Это какой же?

— Я в книжке видела! Он... большой! Каменный! Высоченный!

— Так это в сказке такие замки, а в жизни-то... В камне холодно всегда, и темно, и сыро... Заболеешь! И сама подумай, как ты будешь каждый день в высоченном замке ходить на занятия снизу вверх: туда-сюда, туда-сюда. Устанешь. А тут — смотри — всего шесть невысоких этажей. Хоть весь день бегай.

— Не как в книжке про принцессу!

— Зато как в книжке про царицу! Помнишь, мы читали? Про царя Салтана? Он вот в таком деревянном дворце жил. А он богаче всех принцев и королей был, вот!

Бабушка всегда умела с ней договариваться. Вот и сейчас — они поспорили немного, и Дарёна согласилась, что деревянный замок лучше каменного, и что царь богаче короля. И согласилась немного пожить в деревянном дворце, не как принцесса, а как царица.

На том и порешили.

С Дарёной побеседовал высокий седобородый маг в тёмно-зелёном камзоле, потом ещё несколько магов и ведьм. Они долго разговаривали с бабушкой, потом читали какое-то письмо, потом снова говорили с Дарёной. В один момент она устала и едва не заплакала — и по привычке начала прятать глаза.

— Не прячься от нас, дитя. Мы знаем о твоей особенности, и не причиним тебе вреда. Тут много необычных детей, ты сама завтра увидишь. Посмотри на меня.

Это был тот, первый высокий маг. Дарёна послушно посмотрела на него — и две серебристых молнии выстрелили из глаз, едва не попав маленького толстяка, стоящего у большого окна. Бабушка поджала губы, в то время как остальные удовлетворённо загомонили.

— Что ж. Действительно, дар есть. И редкий. Нечасто у нас, в России, потомки древних греческих полубогов встречаются... Чаше русалки да лешие... Заселяйтесь. Завтра с утра всё начнём.

Их проводили в просторную комнату, которую называли горницей, показали, где ученики едят и учатся. Столовая находилась на первом этаже дворца, рядом с кухней, а учебные аудитории — на вторых этажах, рядом с библиотеками. Спальня, куда привели Дарёну заселяться, находилась на пятом этаже большой деревянной башни. Кроме дарёниной, в ней стояло ещё две кровати, рядом с каждой — платяной шкаф, тумбочка. Большой письменный стол с плетёными стульями и шкаф для книг расположились у большого витражного окна со слюдяными вставками.

Бабушка быстро заправила кровать Дарёны бельём, не забыв взбить подушечки, разложила и развесила в шкафу одежду. Оставила на столе небольшой кулёк с конфетами, потрепала Дарёну по голове и сказала:

— Ну что, горгоныш мой, Дарёныш. Будем прощаться, но ненадолго — приеду через месяц, гостинцев от дедушки привезу. А ты, как договаривались, тут поживёшь. И не бойся. Магичка в семье — это повод для гордости! Мы очень тобой гордимся! Учись и веди себя хорошо! Не пуляй молниями из глаз!

Дарёне показалось, что голос у бабушки дрожит. Она и сама уже хлюпала носом: не хотела расставаться.

— Буду, баба. А ты пряник мне привезёшь?

— Привезу, горьтымаё. Конечно же, привезу.

И начала Дарёна жить в большом деревянном дворце. Поначалу, конечно, было неудобно — незнакомые дети рядом, незнакомые люди. Но разноцветные леденцы на палочке, которые полагались к каждому чаю, и вкусные рыбные и ягодные пироги растопили дарёночье сердце.

Занятия проходили весело. Они ходили в сад и слушали учителей, сидя под большими деревьями, ели все вместе в уютной столовой. Мальчишки купались в пруду, вода в котором была, на удивление, тёплой, как парное молоко. Когда осень перевалила за половину и витражные окна закрыли ставнями, в комнатах разожгли камины, в которых можно было самим варить медовые сбитни и кисели. Даря умела, и их комната стала популярной среди однокурсников — вечерами в горницу набиралась целая толпа.

Первокурсников домашними заданиями не нагружали — почти всё учебное время уделялось занятиям по контролю способностей, истории Академии, общим магическим теориям. Дарёне всё схватывала на лету, кроме уроков по остановке внутреннего диалога. Это было сложно: она любила разговаривать как бы сама с собой. Вот визуализация — да, это весело. А сидеть молча по два часа и стараться ни о чём не думать... Пытка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.